

то, чтобы оставаться местом культа, т. е. местом для изображения сверхчуждественного, потустороннего, божественного бытия. Театр потерял бога и служит народу».

Эта цитата — подлинные слова национал-социалиста Ганса Йоста, назначенного Гитлером руководителем берлинских государственных театров. Это, так сказать, теория, посмотрим теперь на практику.

Одно национал-социалистическое издательство во-время уныло будущею конъюнктуру и к концу прошлого года подготовило 25 пьес.

«Жизнь немецкой девушки в пестрых картинах», «Юмористические дамские терзетты», «Давайте создадим вольнопожарную команду», «Пистолет в качестве портсигара» и т. д., — вот краткий, но характерный перечень продукции этого издательства.

Все эти пьесы ставятся на митингах и собраниях национал-социалистов и на вечерах штурмовиков. Прекрасный документ национал-социалистической фразеологии представляют «Пять безработных», хоровая декламация, поражающая своей бессодержательностью. Кончаются «Пять безработных» так: пять безработных медленным шагом уходят со сцены. Все смотрят им вслед. За сценой раз-

даются один за другим пять выстрелов (самоубийство). Выступает знаменосец и возвещает: «Германия пробуждается». Это все, что национал-социалисты имеют сказать по поводу безработицы.

Мерзкая, но потому именно характерна «Свастика и Советская звезда» («картины жизни для восьми мужских ролей»). Истинно-немецкий капиталист, владелец фабрики, имеет среди своих служащих еврея директора и еврея прокурора. Оба, при содействии коммуниста (1), замышляют против капиталиста преступный заговор. Национал-социалист и счастливый случай спасают капиталиста, который немедленно... предоставляет своим рабочим участие в прибыли. В апофеозе показана «классовая гармония»: трудовая община предпринимателей и пролетариев. Вот, что ставят гитлеровские истинно немецкие театры.

Помимо этой пропаганды «истинно-немецкого искусства», национал-социалисты борются за спасение театра в Германии кровавым подавлением всех стремлений передовых работников театра, жестоким преследованием революционных артистов и художников, зверским террором против самостоятельного рабочего театра, агитпроп-групп и театральных кружков. Пре-

красный театр. «Группа 1931»... лавши немецкому пролетариату такие превосходные спектакли как «Мышеловка», «Вот где зарыта собака» и «Кто глупее всех» — запрещен, артисты его или брошены в тюрьму, или разыскиваются штурмовиками.

Карл Август Витфсгель, Тренте, Гейнц Поль, Ганс Цвель и другие артисты и представители интеллигенции арестованы, подвергаются пыткам и истязаниям.

Этот кровавый террор может, правда, затормозить работу революционного театра, но ему ни в коем случае не удастся подорвать ее. Революционные артисты всегда найдут пути и средства, чтобы говорить с массами. В этой борьбе они не одиноки: во всех странах революционный театр работает в более или менее тяжелых условиях.

Революционный театр — одно из наиболее острых оружий в классовой борьбе. Мы это знаем — это знают также и наши противники, и во всех странах преследуют, запрещают наши спектакли, вводят строжайшую цензуру. Но армия международного революционного театра растет, всегда и везде она выступает на передовых участках боевого фронта как важный фактор в освободительной борьбе пролетариата.